

BALTFORT

Балтийский военный журнал • Baltic military magazine

Nr. 2 (03) • Июнь 2008

ISSN 1691-4430

Ls 5,00/Euro 8,00

9 771691 443001 06

ДИНАБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ В ОГНЕННОМ ВИХРЕ 1812 ГОДА (ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ КРЕПОСТИ) (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

**Латвия
Рига**
Олег Николаевич Пухляк
Рижское славянское историческое общество

Первый бой. Успех, которого не ждали

Утром 1 июля 1812 г. жители левобережья, в большом количестве стекавшиеся к Динабургу в надежде в крепости найти спасение, сообщили, что к городу приближаются многочисленные французские войска, сосредотачиваясь возле слободы Иерусалим и на Калкунских высотах. Несколько это утро было для Уланова напряжённым, говорит хотя бы нумерация исходящих бумаг. Если Александра в твёрдости гарнизона он заверяет рапортом с исходящим номером 1408, у Барклай-де-Толли он просит средств на почту рапортом №1410, то о пришедших крестьянах в то же утро информирует императора рапортом за №1414: «Его Императорскому Величеству Динабургского коменданта арт. ген.-м. Уланова рапорт.

Сию минуту ушедшие с той стороны обыватели донесли мне, что неприятель в большом количестве следует от дороги к Динабургу, который оставили, у Кривого моста, расстоянием отсюда в 10-ти верстах. О чём В.И.В. всеподданнейше доношу.

Подпись: Арт. ген.-м. Уланов.

Когда сосредоточение корпуса маршала Удино было закончено, перед Динабургом оказалось 3 пехотных дивизии (32 000 солдат) и 1 кавалерийская (2 400 солдат). Это более чем в 10 раз превышало численность оборонявшихся.

В 4 часа дня корпус приблизился к предмостному укреплению и пошёл в атаку. Французы стремились ворваться в укрепление и овладеть им. Поручик Ольдерогге оставил за себя на батарее левого фланга надёжного фельдфебеля-бомбардира, а сам устремился на правый, который посчитал более опасным. Бой продолжался более четырёх часов. В него, как в жернова чудовищной мельницы, перемалывавшей человеческие жизни, с обеих сторон бросали всё новые и новые силы.

При отражении нападения французских войск на Динабург в крепости находился Гекель. Был он здесь и первого июля, был и в последующие дни. Затем под его руководством производились фортификационные работы у Режицы и строился Себежский ретраншемент. Позже, 5-6 августа, он участвовал в стычках под

DINABURG FORTRESS IN WIRLWDWIND OF 1812 (AN EPISODE FROM HISTORY OF FORTRESS) (SEQUEL)

Полоцком, а после изгнания неприятеля был назначен в декабре 1812 г. восстанавливать Динабургскую крепость. В 1814 г. перешёл в Свиту по квартирмейстерской части и в 1815 г. участвовал в походе русских войск во Францию. В 1819 г. его назначили комендантом в Одессу, а в 1822 г. – в Каменец-Подольский. Умер 25 января 1832 г. За службу был награждён орденом Св.Анны 1-й ст., Св.Владимира 3-й ст., золотой шпагой с алмазами «За храбрость».

Это будет намного позже. А в тот день, 1 июля, вряд ли кто задумывался о таких далёких перспективах – не до того было. Французы были стремительны, но русские отличались упорством. После четырёх часов орудийного грохота, свиста пуль, конского топота, стонов раненых и умирающих, криков ярости живых русские солдаты сумели подавить вражескую атаку и оттеснить противника. При этом русская пехота оказалась на открытом пространстве на значительном удалении от предмостного укрепления.

Французы видели, что им противостоят не такие уж многочисленные войска, да и отступать было не в характере маршала Удино. Командовавший авангардным кавалерийским отрядом генерал Марбо получил разрешение маршала Удино на вторичную атаку противника. На этот раз было решено кавалерией врассыпную врезаться в ряды русских, чтобы этим заставить артиллерию прекратить огонь. Артиллерией предмостного укрепления к этому времени командовал полковник Тишин. Эта энергичная кавалерийская атака имела успех, и под натиском Марбо передовой отряд русских начал отходить к предмостному укреплению. Попасть внутрь отступающие не смогли, т.к. из опасения, что за русским отрядом могут ворваться и французы, ворота были закрыты. Тогда, обтекая укрепления левого берега, русский отряд направился к наплавному мосту для того, чтобы переправиться на правый берег.

Генерал Марбо принял решение не преследовать своими кавалеристами противника, отступившего по шаткому наплавному мосту, не имеющему оградительных перил. Но в это время подъехал маршал Удино и воскликнул: «Храбрые солдаты! Поступите так, как вы поступили под Вилькомиром. Вперёд, через мост, взорвите ворота и овладеите городом!» Генералы напрасно пытались убедить своего маршала в том, что кавалеристы не смогут атаковать крепость, двигаясь по двое по качающемуся понтонному мосту, находясь при этом под неприятельским огнём, и с фронта из укреплений правого берега, и с тыла из предмостного укрепления. Но Удино был уверен, что страх и замешательство в рядах противника помогут захватить крепость на плечах отступающих русских.

Тогда генерал Марбо, смирившись с неизбежным,

встал во главе полка. Чтобы избежать столпотворения, он приказал своим всадникам вступать на мост так, чтобы между рядами оставался промежуток на длину корпуса лошади. Атаку полка Марбо поддерживали пехотные батальоны из португальцев. На мосту французы оказались под обстрелом артиллерийских орудий с фронта и тыла, а ворваться в укрепления правого берега не удалось. Испуганные лошади прыгали в реку. Видя, что атака не имеет успеха, Удино дал приказ к отступлению. Благодаря тому, что между рядами всадников был промежуток, коннице удалось развернуться на мосту, но усилившийся орудийный огонь увеличивал потери среди кавалеристов. Потери в полку Марбо составили 30 человек убитых и большое число раненых.

Позже подошли французские пехотные полки, и Удино предпринял новую попытку атаковать предметное укрепление. Встретив сильный огонь, пехотинцы не выдержали, залегли, а затем откатились назад. Атака вновь была отбита.

В течение 1 июля маршал Удино ещё несколько раз атаковал, но все его попытки овладеть крепостью были напрасны. Русские солдаты под командованием генерал-майоров Яшвиля и Уланова, при деятельном содействии инженер-полковника Гекеля, с честью выдержали продолжительный вражеский натиск. Со времени первой атаки до того момента, когда бой сошёл на нет, прошло около 12 часов. Ночь на 2 июля спокойствия не принесла. Все, как русские, так и французы, готовились утром следующего дня к новым испытаниям. Несмотря на спустившуюся темноту, французы то здесь, то там стреляли по русским позициям. Но по сравнению с дневным адом это могло показаться колыбельной песней.

Отчёты о происходящем из Динабурга оперативно поступали генерал-лейтенанту Витгенштейну, и уже 2 июля он, в свою очередь, составил и отправил рапорт императору. Описывая прошедший бой и подводя первые итоги, он сделал вывод, что беспрерывно атакуя 1 июля Динабург, французы хотели устроить демонстрацию своей силы с целью вынудить русских подтянуть сюда дополнительные войска.

В свою очередь, генерал-майор князь Яшвиль из Динабурга 2-го июля рапортует Барклаю-де-Толли о своём приезде в Динабургскую крепость. Рапортует 2-го, хотя прибыл 1-го. Однако первого было не до рапортов. Позже, уже после появления на свет бессмертных произведений Грибоедова и Пушкина, в России в таких случаях будут говорить: «С корабля на бал». Вокруг Динабургской крепости весь день война давала свой смертный бал, поэтому Яшвиль взялся за перо только 2-го:

«Г-ну Воен. мин. главнокоманд. 1-й Запад. арм. и кав. Барклаю-де-Толли Динабургского коменданта арт. ген.-м. кн. Яшвиля рапорт.

По прибытии моём в Динабург, тотчас же сверясь с донесением, сделанным Вашему высокопр-ству комендантом ген.-м. Улановым, нашел, что неприятель обложил Динабургское мостовое укрепление в большом количестве войск с артиллерией расстоянием почти на пушечный выстрел и что сего числа при

Император Александр I (литография),
Сборник «Древняя и новая Россия», 1877, т. III.

мне делал на левый фланг наступление, а между тем и прочие все войска приготовлены к боевому порядку, делая движения по обоим флангам реки Двины в намерении, как полагать можно, для переправы через оную.

Мостовое укрепление не окончено, фланги не сомнуты, и на всём укреплении 16 орудий, больше же этого числа поставить не было можно, сколько за неотделанием укрепления, столько за недостатком для услуги к орудиям людей, что ж принадлежит до главной крепости, то она как бы и не существовала.

При сих обстоятельствах и при малых силах гарнизона против превосходных неприятельских сил, которые стали вознамеряться действительно устремиться на мостовое укрепление, невозможно оное будет удержать и при упорном защите не потерять наконец всего гарнизона и прочего имущества, переправы же, которые, как известно, во многих местах могут с удобностью делать, всего более могут угрожать всему месту.

Я полагаю, что неприятель, имея весь берег в своих руках, должен иметь все подробные сведения о положении со всех сторон Динабурга, а потому и вероятно, что намерение его есть овладеть оным и захватить в большом количестве запасы, орудия и прочее. Я, предав все сии замечания Вашему высо-

Памятник М.Б. Барклаю-де-Толли в Риге
Фото Сергея Мелконова

корп-ству, и притом исчисляя все силы предстоящие и окружающие укрепление, кроме тех, кои могут ещё быть закрыты, не может быть без больших намерений – впрочем всевозможные меры к защищению по обеим сторонам берега, в размещении орудий, расстановке войск, в открытии неприятеля на дальнейшую дистанцию взяты и впредь не упустятся.

Затем по сие число из числа к вызову назначенных вещей, больные, артиллерийское имущество, обозы полковые и ротных команд - все вывезены, осталась некоторая часть в цейхгаузах комиссариатских вещей и провианта: муки до 1 000 п. и овса до 15 000 п., из коего количества, по известию сию минуту полк. Тишинам полученному, прибудет до 7 000 подвод, на которых с сколько возможною поспешностью отправлено будет, а затем с остальным, ежели больше подвод будет не можно, то сделано будет распоряжение, какое только на тот раз представится нужным. О всех же подробностях, коих за короткостью времени я не мог представить во всём пространстве, счёл нужным для личного объяснения отправить адъютанта моего гв. поручика Эйсмонта I-го, с коим по усмотрению Вашего высокопр-ства не оставите меня скорым повелением.

Подпись: Ген.-м. кн. Яшвиль».

Яшвиль не пишет о вчерашнем бое. О нём тому же адресату – военному министру и одновременно главнокомандующему 1-й Западной армией Барклаю-де-Толли 2-го рапортует Уланов: «Г-ну Военн. мин. и кав. Барклаю-де-Толли от Динабургского коменданта

арт. ген.-м. Уланова рапорт.

Вчерашнего числа я доносил Вашему высокопр-ству с нарочным курьером, что остальные корпуса, генерала Удино войска составляющие, достигают 4-х тысяч, останавливающиеся в 4-х милях от дороги к Динабургу по дороге ведущей, но вышло напротив того, ибо коль скоро только прибыли неприятельские войска вчерашнего числа пополудни в четыре часа, тот час атаковали мостовое укрепление; бой продолжался до 12 часов; хотя неприятель упорно покушался ворваться в укрепление, но нашими стрелкам запасных батальонов и сильным действием из орудиев с укрепления был прогнан; вторительное его предприятие также было опровергнуто, однако ж целую ночь частью стрелками тревожил и на рассвете сего дня началась перестрелка ружейная и действия артиллерии, которая и до сего времени продолжаетаясь. Между же тем, неприятель, устроив свои войска, вознамеревается напасть на все пункты мостового укрепления, то не полагаю, что возможно было с малыми силами вверенного мне войска удержаться. В продолжение же вчерашнего дня сражения полагаю, что с неприятельской стороны урон был превосходнее нашего, а сколько именно с нашей стороны раненых и убитых за беспрестанно перестрелкою и неотхождением людей с места сражения, подробных сведений отобрать было ещё невозможно; о чём Вашему высокопр-ству донести честь имею.

Подпись: Ген.-м. Уланов».

На рассвете 2 июля защитники предмостного укрепления подверглись обстрелу французских стрелков, к которым вскоре присоединилась и артиллерия. Французские войска вновь и вновь бросались в атаку, но безуспешно: они не сумели овладеть ни мостовым укреплением, ни мостом, ни городом. Один из эпитетов, наиболее часто употребляемых со словом «бой», – слово «жаркий». Бои у предмостного укрепления были жаркими не только в эпическом смысле. Стояла сухая жаркая погода. Температура доходила до 28 градусов по Реомюру, а учитывая, что градус по Реомюру равняется 1,25 градуса по Цельсию, получается 35 градусов по привычной для нас шкале. Старослужащие французской армии могли утешать молодых солдат тем, что в Египте было и пожарче, но утешение было слабое.

Русские солдаты, прежде всего, артиллеристы, действовали смело и самоотверженно, проявляя в боях мужество, взаимовыручку и смекалку. По некоторым данным, орудийным расчётом удавалось в два раза перекрывать время, требуемое для произведения выстрела «Бомбардирским уставом».

Для навесных выстрелов из 12-фунтовых пушек и 1/2-пудовых единорогов нормой считался один выстрел в минуту. При картечных и рикошетных выстрелах, не требовавших длительного прицеливания, за 2 минуты можно было произвести 3 выстрела. На близком расстоянии, где прицеливаться было практически не нужно, скорострельность зависела от натренированности расчёта. Снарядами для полевой артиллерии периода войны 1812 года служили ядра,

картечь и разрывные гранаты. Из пушек, в основном, стреляли ядрами и картечью, при этом вес порохового заряда составлял 1/3 веса ядра. 12-фунтовое ядро на расстоянии 300 саженей (640 м), действуя по камню, углублялось на 10 см, по дереву - на 77 см, а в землю - на 2-2,7 метра. Разрывные гранаты, которыми, в частности было более выгодно стрелять из единорогов, представляли собой пустотельные чугунные шары, имеющие во внутренней полости прилив с радиальным коническим отверстием. Полость гранаты заполнялась порохом, а в отверстие забивалась деревянная коническая трубка с запальным составом. Гранаты, действуя по земляным насыпям, имели явное преимущество перед ядрами, однако при поверхностном разрыве действие их было ничтожным. Поэтому против живой силы на оптимальных расстояниях в основном стреляли картечью.

Хотя перед войной планировалось, что пушек в Динабургской крепости будет столько, что яблоку будет негде упасть, когда дошло до дела, орудий катастрофически не хватало. Поэтому часть солдат предмостного укрепления под началом унтер-офицеров на руках перетаскивала пушки с колёсными лафетами для смены позиций ведения огня. Это, с одной стороны, давало возможность прицеливаться с максимально удобных позиций, а с другой стороны, создавало впечатление, будто на укреплении постоянно возрастило количество орудий

Взятые в бою французские пленные показали, что Удино не смирился с неудачей и направил своего адъютанта для того, чтобы на следующий день в бой включилась и третья дивизия из состава корпуса.

Утром 3-го июля в крепости произошло экстраординарное событие, о котором генерал-майор Уланов поспешил проинформировать самого императора:

«Его Императора Величеству Динабургского коменданта арт. ген.-м. Уланова рапорт.

Сего числа пополуночи в 9-ть часов случилось в Динабургской крепости случайное происшествие: взорвало вблизь батарей, устроенных по сию сторону реки Дауна, изготовленных к обороне крепости и привезённых к батареям для положения вместо расстрелянных боевых зарядов разных калибров до 250-ти и в 4-х фурах до 120-ти. А от чего сей внезапный взрыв случился, дойти того не можно, ибо с неприятельской стороны канонады не было, а бывшие при доставлении тех снарядов, равно и неподалёку от сего парка стоявшие, убиты, а именно: лабораторной полуторты №3 подпоруч. Читяков, лаборатористов - 5, понтона №15-й роты фейерверкер - 1, рядовых - 4. 1-го пионерного полка рядовых - 5, крестьян для работы при артиллерии употребляемых - 5. Да ранено понтона №15-й роты фейерверкеров - 3, рядовой - 1. 1-го пионерного полка рядовых - 2, крестьян - 2, которые также причины оному не знают. Таковое происшествие я приписываю единственно к неосторожности и худому командира Динабургского артиллерийского гарнизона подполк. Крахоткина, о чём В. И. В. Всеподданнейше доношу.

Подпись: Арт. Ген.-м. Уланов».

3 июля войска маршала Удино опять атаковали

предмостные укрепления. И опять безуспешно. Напряжение достигло максимума. В обороне крепости, кроме солдат, принимали участие многие крестьяне, которые как могли помогали защитникам. К исходу третьего дня Удино потерял в боях за Динабург несколько сот человек убитыми, около ста рядовых; несколько офицеров были взяты в плен.

К этому времени русское командование готовилось направить для обороны крепости дополнительные силы. Ещё не зная, что происходит в этот день под крепостью, генерал-лейтенант Витгенштейн писал:

«Г-ну Воен. Мин. Главнокоманд. 1-ю Запад. Арм. и кав. Барклау-де-Толли к-ра 1-го корп. Ген.-лейт. гр. Витгенштейна рапорт.

Начальник Главного Штаба 1-й Западной армии г. ген.-м. Ермолов от сего числа №226-м сообщает приказание Вашего высокопр-ства, чтобы удерживать сношение с Динабургом, и если бы неприятель осмелился сделать покушение переправиться на правый берег Дауны, то представляется совершенно распоряжению моему действовать ли отрядам против него, или, смотря по упорству его и силам, всем корпусом тогда немедленно атаковать его, а если нужно будет иметь мне подкрепление, нарочно для того корпус 2-й ген.-лейт. Багговута расположен неподалёку от меня, и получить повеление мне со-действовать, то, получа сие приказание равно и после дела, которое ген.-м. Кульев имел с неприятелем и находится теперь по ту сторону реки, намерен я с вверенным мне корпусом перейти к Другу, дабы ближе быть к Динабургу и иметь более средств выполнить сие приказание Ваше, также и от армии отдалён очень не буду, на что покорнейше прошу Вашего разрешения, равно и том, чтобы из корпуса ген.-лейт. Багговута было отряжено несколько батальонов для наблюдения брода близ мызы Балин, где расположен теперь мой лагерь, и чтобы его кавалерия имела со мной беспрерывное сношение.

Дошло до сведения моего, что Динабургские укрепления приказано оставить и магазины сжечь, то по теперешнему предложению, не угодно ли будет Вашему высокопр-ству предписать ген.-м. Кн. Яшвилю, чтобы он мостовые укрепления удерживал сколько возможность позволить и магазины не жечь бы до последней уже крайности.

Подпись: Ген.-лейт. Гр. Витгенштейн».

В боях под Динабургом Удино провалил свою задачу, поставленную перед ним Наполеоном. Маршал Удино должен был преследовать корпус графа Витгенштейна и разбить его. Вместо этого Витгенштейн смог оторваться от преследования и даже смог позволить своим войскам, отдохнув, сконцентрироваться и укрепиться на новых рубежах в районе Друи.

Приметив, что расположившийся в Друе преследующий его неприятель имел только одни кавалерийские пикеты, граф Витгенштейн приказал Кульеву навести ночь со 2 на 3 июля против этого местечка мост через Дауну, и, перейдя реку, атаковать французские передовые посты. Кульев отрядил подполковника Ридигера с Гродненским гусарским полком. Тот напал врасплох на бригаду французской

конницы, опрокинул её и взял в плен генерала Сен-Жени с двумя сотнями человек. Кульев докладывал: «Если я заслуживаю какое вознаграждение, то прошу за собой милость наградить Ридигера вместо меня». Наполеон решил, что имеет дело со всем авангардом армии Барклай и задержал продвижение своего левого фланга.

Всего этого не должно было случиться, если бы маршал Удино со своим корпусом не продолжал все эти дни стоять под Динабургом, а занимал позиции на левом фланге компактно двигавшихся войск Наполеона, тем более, что именно такую задачу император ставил перед маршалом. Наполеон был крайне недоволен действиями маршала Удино у Динабурга, т.к. он не отдавал приказа о нападении на крепость. У императора Франции были все основания к недовольству, тем более, что Динабургская крепость так и не была взята. В ночь на 4 июля, получив приказ от Наполеона отступить от Динабурга и двигаться вдоль левого берега Даугавы вверх по течению реки, Удино ушёл от крепости вверх по Даугаве к Дриссе. Ему предстояло догонять колонну «Большой армии».

Когда в Динабургской крепости стало достоверно известно об отступлении корпуса Удино, эскадрон гарнизона совершил вылазку и нанёс ряд ударов по французскому арьергарду. Захватив 80 человек в плен, кавалерийский отряд на рассвете 4 июля на некоторое время занял деревню Калкуны, где ещё совсем недавно стояли французы. Ещё несколько километров преследовали корпус, но слишком отрываться от крепости тоже было неразумно.

Об этом Витгенштейну для передачи далее по команде Барклаю-де-Толли 4-го июля рапортовал Яшвиль: «Донесение, сделанное мною вчераиного числа за №339 пополуночи с нарочным к Вашему высокопр-ству, имело последствием то, что неприятель вовсе оставил наше укрепление, и что указанный мной эскадрон, который следовал за ретирадой, захватил французов 80 человек, после чего мыза Калкуны, стоящая против нашего укрепления, занимаемая под главную квартиру французским генералом Удино, с рассветом нами занята, и оттуда вперёд, а равно и к обеим сторонам реки на несколько вёрст простираются наши разъезды. Пленные французы, между прочим, показали, что намерением командующего ими генерала было занять тет-де-пон и самый мост, на каковой конец и послан был от него нарочный адъютант для присоединения третьей дивизии, корпусу его принадлежащей, и что, по показанию же оных пленных, корпус отступил в оную ночь 4 мили, наименование коего места, хотя они и не знали, но по замечанию должно полагать, что Дресвяты арриегард же ныне при рассвете был в 8 верстах, с коим разъезды наши имели перестрелку. Я о сем за долг поставил донести Вашему высокопр-ству».

Рапорт об успешно проведённой обороне Динабурга был доставлен в Петербург и произвёл на Александра I самое благоприятное впечатление. Это был один из первых случаев в войне 1812 года, когда непобедимые французские войска не смогли сломить сопротивление небольшого отважного гарнизона

и принуждены были отступить, так ничего и не добившись. 4 июля обрадованный победой Александр в собственоручном послании к князю Салтыкову писал: «Вчераиного числа было удачное дело между авангардом корпуса гр. Витгенштейна под командою г.-м. Кульева и французским кавалерийским корпусом. Благодаря Богу оный был разбит», и добавляет, что неприятель «сперва устремился на наш правый фланг и хотел завладеть Динабургским мостовым укреплением, но он был от оного отбит, и до сих пор сие ему не удалось».

«Храбрый гарнизон», - так оценил действия Динабургского гарнизона Барклай-де-Толли в своем рапорте Александру I. Его стойкость и победа были неожиданностью и для российского военного министра, бывшего одновременно главнокомандующим 1-ой Западной армией. «Я никогда не полагал», - писал Барклай-де-Толли князю Яшвилю, - «что Динабургское мостовое укрепление можно было защищать против превосходных сил неприятельских долгое время». Часть офицеров получила награды. Был награждён и поручик Ольдерогге. В дипломе, передаваемом затем его потомками из поколения в поколение, каллиграфическим почерком было записано: «Господину поручику Ольдерогге Василию. Именем его Императорского Величества и властью, Высочайше мне ввереною, в сражениях 1-го, 2-го и 3-го июля при защите Динабургского мостового укрепления, где Вы командовали храбро батарею на правом фланге укрепления с большим успехом, препровождаю для возложения на Вас орден Святой Анны 3-го класса. Главнокомандующий 1-й Западной Армией генерал от инфanterии Барклай-де-Толли. Главная квартира, июля 30 дня 1812 г. Ну а кроме именных наград, всему гарнизону было объявлено от имени императора Александра I «Высочайшее благоволение».

3 июля 1812 г., как только французы отошли от Динабурга, в крепости был созван военный совет. Командование крепости не впало в эйфорию и считало, несмотря на победу, положение крепости тревожным. Защитники крепости понесли потери, укрепления, и без того далёкие от идеала, были в ходе боёв сильно разрушены. Затрудняла дальнейшую оборону и деятельность присланного Барклаем-де-Толли полковника Тишина. Приведя в исполнение постановление от 28 июня, он так понял свои обязанности, что среди другого имущества поспешил снять орудия с лафетов главной крепости, часть закопал в землю или утопил их в реке и в озере Шуню, а часть пушек и пороховой запас вывез в Режицу (Резекне). Таким образом, крепость была лишена средств обороны. Лишь в послевоенное время удалось отыскать затопленное и закопанное имущество. В отчёте военному министру «О вытаскивании в Динабургской крепости затопленных в реке Даугаве и озере Шуню орудий, снарядов и прочего» отмечалось, что прибывшая из Петербурга специальная команда водолазов подняла в 1814 году со дна 15 орудий, что составило около половины затопленных пушек. Современные исследователи делают предположение, что это было сделано в то время, когда внимание коменданта крепости было сосредоточено

на отражении атак корпуса Удино. Никакого прямого подтверждения этому предположению не существует. Отмечают, что после отхода Удино полковнику Тишину было приказано немедленно оставить Динабург и явиться в штаб-квартиру первой армии, в лагерь под Дриссой, а впоследствии во всё время царствования Александра I полковник Тишин так и не был произведён в генералы.

Ещё больший переполох наделало следующее событие. Во время боёв у строителя крепости генерал-майора Е. Гекеля пропал «Высочайше утвержденный» секретный план крепости и примыкавших к ней укреплений. Эти документы, как оказалось, хранились у Гекеля на квартире и исчезли в те самые дни, когда вокруг предметных укреплений кипели бои. В своей книге «Крепость-склад Двинск», изданной в 1915 году, тогдашний (по отношению к 1913 году) комендант Двинской крепости князь Н. Львов высказал предположение, что беспечностью Гекеля воспользовались французские лазутчики. Предположение высказано не на основании гадания на кофейной гуще. Его, кажется, подтверждают найденные значительно позже французские планы Динабурга. Почему нет? Ведь точно известно, что в январе 1812 года И. Понятовский передал маршалу Даву план Бобруйской крепости, который был доставлен «одним чиновником тамошнего гарнизона, жившим два месяца в Бобруйске». Русская армия перед войной получила несколько томов карт Пруссии. Почему бы не допустить, что в Динабургской крепости французские агенты оказались на высоте положения? Современные исследователи часто недоумевают, что делали эти секретные схемы у Гекеля, но ничего таинственного в этом нет. Дело в том, что по утвержденному 5 июня 1812 года «Временному расположению для крепостей, расположенных на базисе военных действий», которым чётко разграничивались сферы деятельности коменданта и начальника инженеров при ведении оборонительных боёв, вся секретная документация по крепости должна была находиться в ведении начальника инженеров. Впрочем, пропаже документов особого значения не придали, и послевоенное строительство крепости шло по старому плану.

Наконец, всё было просто, пока французы рвались в Динабург. Высшим офицерам крепости было не до глобальных планов на будущее. Следовало вооружаться тем, что имелось, и оборонять позиции, какие были. После того, как французы отступили, у гарнизона перестала существовать чёткая программа действий. С одной стороны, у князя Яшвиля был приказ сжечь магазины (склады) Динабурга, с другой, граф Витгенштейн ходатайствовал перед военным министром об отмене эвакуации войск из города хотя бы на некоторое время. Витгенштейн на практике уже убедился в том, как успешно Динабургская крепость отвлекает войска Удино. Кроме того, Динабург – одна из ключевых точек на возможном пути французов на Петербург. А ведь прикрывать это направление, помимо прочего, и должен был Витгенштейн.

В конце концов, тогда же, 3-го июля, было принято решение отказаться от дальнейшей обороны предметного укрепления ввиду его слабости. Вместо

Главный вход в Динабургскую крепость
Фото Юрия Мелконова

этого «связти с него орудия и снаряды и скласть их в струги, чтобы при первом известии о появлении неприятеля можно было их потопить в Двине».

Французы уже скрылись из поля зрения, а тут к крепости подоспели четыре запасных батальона пехоты и несколько эскадронов гусар, которые были направлены сюда как только русское командование узнало о штурме Динабурга. Поговорка гласит: «Лучше поздно, чем никогда», но к этой ситуации она не подходит. В данном случае – скорее уж «После драки кулаками не машут».

Тем временем гарнизон приступил к эвакуации магазинов и подготовке к уничтожению того, что вывезти было невозможно. В Главной квартиреказалось, что Динабургская крепость выполнила своё предназначение. Казалось, что она теперь надолго останется вне сферы интересов французских войск, а посему лучше вывести из неё все войска, которые можно будет использовать на других, более тревожных направлениях. Генерал Яшвиль смирился с необходимостью оставить крепость. Посчитав, что возложенная на него оборона выполнена, а ресурсы крепости исчерпаны, 5 июля 1812 г. он писал графу Витгенштейну: «Если неприятель в больших силах станет приближаться к мостовым укреплениям для занятия оного, и другие будут делать покушения к переправе, нужно мне будет со всем Динабургским гарнизоном ретироваться». 6 июля Яшвиль рапортовал Барклай-де-Толли:

«Полагая, что отступление и удаление французских войск от мостового укрепления может на долгое время оставить гарнизон в недействии против неприятеля, тем более сие ожидать должно, что мостовое укрепление, которое было предметом защищения для многих обстоятельств, ныне все орудия на оных стоящие, а равно и всё число оставленных для вооружения крепости потоплено, кроме двадцати орудий 12-фун. медных, из числа коих 14 отправлено в Псков, а последние 6 были оставлены для действия при батальонах, дав к оным обывательских лошадей, строение сожжено, мосты разведены и истреблены, а по оному и весь левый берег вовсе оставлен. После сего уже никаких важных дел предстоять не может для Динабургского отряда, а остаётся только вроде надзора берегов и при переправе неприятельской ретироваться согласно предписанию Вашего высокопр-ства.

Относительно же до вывоза всех нужных снаря-

дов и уничтожения на месте неважных, отправление в возможной успешности и в прочем во всех случаях сколько возможно приведено к концу и устроено. Остаётся только при нечаянном нападении не в важном уже количестве остающиеся вещи и запасы в магазине, коими бы ни овладел неприятель, приказать истребить. По сим причинам, не находя, чтобы я мог быть нужен в Динабурге, решился отдать командование, и, препроводя все повеления и другие бумаги, полученные мною относительно действий и движений против неприятеля, к Динабургскому коменданту ген.-м. Уланову, а самому отправляться к своему месту.

О чём Вашему высокопр-ству честь имею до- несть».

Уланов должен был провести эвакуацию крепости. Сооружения,озведённые в Динабургской крепости, сожгли. Шесть более лёгких и, следовательно, подвижных орудий остались при батальонах, 14 орудий отправили в Псков, а остальные – уже привычным маршрутом отправились на дно Двины. Уже 6 июля был оставлен весь левый берег реки и мост, а 15-го, по приказу командования, гарнизон начал отход и с правого берега.

Уланов находился во главе отходящего гарнизона недолго. Через несколько дней командующим гарнизоном и крепостью был назначен генерал-майор Алексей Юрьевич Гамен.

Алексей Юрьевич Гамен родился в городе Гжатске Смоленской губернии. Предки его принадлежали к иностранцам, вызванным в Россию в XVII веке для образования первых регулярных войск. Отец его был лейб-медиком при дворе императрицы Екатерины II. В мае 1779 года его определили в Сухопутный кадетский корпус, который он окончил в 1789 г. с отличием и чином поручика.

Поступив на гребной флот, отправленный против шведов под начальством принца Нассау-Зигена, он настолько выделялся своей храбростью, что очень скоро, в 1789 году, получил за отличие чин капитана. Служа в Финляндии, Гамен сумел заслужить расположение Суворова, который называл его «храбрым капитаном». В 1783 году он был переведён в Черноморский флот, с которым была связана его дальнейшая карьера.

В 1798-1799 гг. Гамен принимал участие в первой войне России с Францией, состоя под командой контр-адмирала Пустошкина в русской эскадре, высланной для завоевания Ионических островов. Командуя отрядом русских и турецких войск, он овладел 18 февраля 1799 г. островом Видо, где взял в плен французского генерала с несколькими офицерами и до 300 нижних чинов. Здесь Гамен проявил высшей степени благородство и человеколюбие, защитив неприятеля от своих же союзников – турок, которые бросились резать головы пленных и убитых. Укрыв их в середине русского отряда, он спас жизнь коменданта Видо и остальных пленных. 22 февраля он участвовал во взятии Корфу, а в мае – в осаде Анконы. Высадившись затем с небольшим русско-турецким отрядом в Италии, Гамен взял крепости Фано и Синигалия, за что

Форт Динабургской крепости
Фото Юрия Мелконова

награждён орденом Св.Анны 2 степени. Дальнейшая боевая карьера проходила так же стремительно, и с сентября 1803 г. он был произведён в полковники с назначением командиром 3-го морского полка. С этим полком он в 1805 году совершил поход в Ганновер. В 1807 году он принимал участие в войне с Англией и Швецией, командуя войсками на острове Малом Рогге, с которого обстреливал английские и шведские суда, атаковавшие российские батареи. В 1809 Гамен получил алмазные знаки ордена Св.Анны 2 ст., в мае 1811 г. – орден Св.Владимира 4 ст., а 11 ноября того же года произведен в генерал-майоры. Во время войны 1812 года состоял в корпусе графа Витгенштейна.

И вот, с 6 июля он находился в Динабурге. Те незначительные силы, что ещё пребывали в том, что оставалось от крепости, должны были вести наблюдения за передвижением неприятеля. Сведения поступали как благодаря конным разъездам, ежедневно курсировавшим вокруг Двинской крепости, так и от местных жителей, которые как могли, помогали армии. Некоторое время после того, как французы покинули Калкуны, точных данных об их расположении не было. По некоторым сведениям выходило, что часть войск Удино остановилась в Илуксте, забрала у населения съестные припасы и скрылась. Русский летучий кавалерийский отряд во время рейдов с 5 по 9 июля 1812 г. взял в плен 58 французских дезертиров.

А Курляндия постепенно захватывалась франко-прусскими войсками корпуса Макдональда. После того, как в Митаве было получено известие о появлении прусских войск в Бауске, командовавший русскими силами в Митаве генерал Левиз занял позицию для боя при Экау (Иецаве). Узнав об этом, Граверт, занявший Бауску, известил о расположении русских, находившихся восточнее, генерала Клейста, и 7 июля пруссаки с двух сторон атаковали русских. Имея небольшое превосходство в живой силе и тройное – в артиллерии, пруссаки при минимальных потерях одержали победу. Потери русских составили около 600 убитыми и ранеными, а также около 300 пленными. Это сражение имело для русских самые тяжёлые последствия, ибо в нём была разбита лучшая часть войска, предназначенного для защиты Риги.

(Продолжение следует)